

ФАТИМА М. НОРТ

ХИММЕРА

КНИГА I
ИЗМЕНЁННЫЕ

«Первый контакт
начался внутри человеческого разума.»

2050

18+

Фатима М. Норт
Химера. Измененные

«Автор»

2026

М. Норт Ф.

Химера. Измененные / Ф. М. Норт — «Автор», 2026

Они не искали сверхспособностей. Но вирус сделал свой выбор. Мир разрушен эпидемией «Мнемовируса». Он не убивает мгновенно — он стирает личность, превращая людей в пустые оболочки. Единственный шанс выжить — дорогой и недоступный препарат «Мнемо-стаб», который лишь замедляет неизбежное. Алисия работает санитаркой в красной зоне и каждый день видит, как болезнь пожирает остатки человечества. Её мать — на последней стадии, и каждая ампула «Мнемо-стаба» стоит больше, чем она зарабатывает за месяц. Отчаявшись, Алисия соглашается на клинические испытания в корпорации «Роха-Фарма», где встречает Юлиана — такого же потерянного, но с пугающе острой реакцией на происходящее. Вместе они сбегают из лаборатории, обнаруживая, что заражение изменило их навсегда: обострённые чувства, необъяснимая связь друг с другом — и странный голос, который звучит в их головах. Но это только начало. В поисках ответов они сталкиваются с тем, что мир и война гораздо сложнее, чем просто борьба с вирусом.

© М. Норт Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23

Фатима М. Норт

Химера. Измененные

Глава 1

Fatima M. North / Фатима М. Норт

«Химера».

Книга 1: «Измененные»

Глава 1.

«Начало»

*«Память — это единственный рай,
из которого нас нельзя изгнать», —
Жан-Поль Рихтер.*

Вычислительное ядро «Синапс» стоит на столе с развёрнутой над ним трёхмерной проекцией. На парящем экране — формулы и расчёты.

Сбоку горит окно:

«Моделирование не завершено. Ошибка расчётов. Требуется дополнительные данные».

На экране — структура носителя «Химера».

Институт «Кольбер» держит её в спящем режиме пять лет. Все, что могло сделать её опасной, заблокировано.

Капля за каплей — буквально, — они берут образцы и тестируют ключи. Все годы Бланшар работает с ней в двойных перчатках и знает: если она проснётся — он умрёт первым.

Бланшар склоняется над блокнотом. Быстро делает заметки. Меняет один вариант доставки на другой. Пересчитывает параметры. Ищет способ заставить «Химеру» находить больные клетки и обходить здоровые. Не хватает одного ключа. Одной последовательности. И тогда технология сможет лечить болезни, которые человечество до сих пор считало приговором.

Уставший Кристоф откидывается на спинку стула и трёт глаза. Бросает ручку. Встаёт. Начинает ходить кругами по кабинету.

Информация с монитора переходит на нейролинзу, проецируясь перед глазами. Кабинет небольшой: рабочий стол в центре, у стены диван, где он спит последнюю неделю, у другой стены — пара открытых стеллажей с книгами. Рядом на стене — абстрактная картина в чёрной раме.

Пахнет реагентами и хлоркой. Кристоф давно привык к лабораторным запахам и уже не замечает их.

Он подходит к одному из стеллажей, тянется за старым изданием по когнитивной нейробиологии, берёт книгу и возвращается к столу. Бросает взгляд на «Синапс» — проекция вновь разворачивается над столом. На экране мигает: *«Ошибка расчётов».*

Морщится.

Сигнал на нейролинзу прервал его размышления. На проекцию всплыло окно о новом сообщении. Бланшар ставит книгу на край стола, не глядя.

— Открыть, — произносит тихо.

Поверх проекции всплывает письмо.

**«Доктор Бланшар,
Настоящим уведомляю вас о приостановке проекта „Мнемоз“.
Прошу зайти для разъяснений.
О. Винтер».**

Бланшар перечитывает письмо. Раз. Другой.

Что-то не так.

Большой палец правой руки перебирает по соседним — быстрый, сухой перебор, как будто он набирает код на невидимой клавиатуре. Пальцы помнят то, что разум ещё не осознал. Ритм задаёт мысль.

Винтер не стал бы присылать такое. Если бы проект просто приостановили, Отто вызвал бы его устно. Или написал бы иначе. А это... это похоже на предупреждение.

Большой палец замирает. Он разворачивается и выходит из кабинета. Быстрым шагом направляется к лифту. Ему нужно выяснить.

Пока лифт поднимается на верхние этажи, в голове теснится рой мыслей. Если Винтер прислал письмо — значит, каналы могут прослушиваться. Если каналы прослушиваются — неужели военные? Большой палец правой руки перебирает по соседним — быстрее, жёстче. Мысль ускорила. Он знает, что проект могут забрать по условиям контракта. Знал с самого начала. Но сейчас, когда Винтер не рискует говорить открыто, всё приобретает другой вес.

Ему нужно услышать это от Винтера.

Двери лифта открываются. Он выходит в приёмную.

За рабочим столом сидит Кристина — секретарь Винтера.

— Добрый вечер, Кристина. Сообщите доктору Винтеру, что я подошёл.

Кристина касается виска. Проходит полминуты. Она кивает и поднимает глаза на Бланшара.

— Проходите. Он вас ожидает.

Бланшар прикрывает за собой дверь, заходит в кабинет, направляется к креслу возле рабочего стола Винтера и опускается в него.

Отто стоит у окна. Смотрит на ночной Цюрих. В отражении наблюдает за Бланшаром: невысокий, худощавый, халат помят, в нагрудном кармане — ручка с протёкшими чернилами. Небольшое тёмное пятно расплзлось по белой ткани. Винтер знает эту привычку. Сколько бы халатов ни сменил Кристоф за двадцать лет, ручка в нагрудном кармане оставалась неизменной — как и чернильное пятно, которое рано или поздно появлялось снова.

Бланшар не замечал таких мелочей. Он вообще редко замечал что-то, кроме работы. Винтер — замечал.

На секунду в памяти вспыхивает другое время. Лаборатория отца. Гул вытяжки. Запах реактивов. Ему семнадцать, он заканчивает старшую школу и забегает к отцу после занятий — просто посмотреть, просто вдохнуть этот воздух. За лабораторным столом — Кристоф. Молодой лаборант, всего на десять лет старше, но уже с тем самым огнём в глазах. Сутками напролёт — пробы, расчёты, заметки на полях. Он не замечает никого вокруг. А Винтер-младший смотрит — и загорается сам.

Медицинский факультет. Нейробиология. Первые собственные исследования. Но чем глубже он уходит в науку, тем яснее понимает: одной науки мало. Идеи, которые некому защитить, умирают в столах и архивах. Ему нужна власть — или хотя бы умение её удержать.

Потсдам. University of Potsdam. Политические круги. Годы работы на стыке науки и управления.

Потом — возвращение в Цюрих. Часть акций «Кольбера» переходит в его руки. И в тот же год он зовёт Бланшара к себе. С тех пор они работают вместе.

Наука осталась для Бланшара всем. Для Винтера — почти всем.

Он смотрит, как Бланшар трёт переносицу, и знает: тот не выходит из лаборатории уже неделю.

Бланшар не поднимает головы.

— Это правительство?

Отто разворачивается. Идёт к столу. Садится. Тянется к чашке с остывшим кофе — и передумывает. Возвращает чашку на блюдце. Касается виска. На секунду задерживает взгляд на Бланшаре.

— Виски?

Бланшар поднимает голову, смотрит на Отто. Сдаётся — и откидывается в кресле. Винтер переставляет чашку с остывшим кофе подальше. Наблюдает, как Бланшар смотрит в окно и перебирает пальцами — большой палец правой руки скользит по соседним, быстрый, сухой перебор. Раньше Винтер гадал, почему Кристоф это делает. Теперь знает: этот жест — сигнал. Кристоф в глубоком анализе. Или глубоких мыслях.

Бланшар ловит отражение Отто в окне. Переводит взгляд.

— Итак?

Винтер молчит. Не потому, что нечего сказать. Он устал. Ему нужно подумать — перед тем как ответить, проанализировать. Этот разговор слишком важен, чтобы начинать его сгоряча.

— Военные...

Винтер тоже устал, но по-другому. Пиджак висит на спинке стула. Галстук ослаблен и чуть покосился. Верхняя пуговица рубашки расстёгнута, рукава закатаны до локтей.

— Почему спустя столько лет...?

— Выясняю... — Винтер делает паузу. — Час назад пришло письмо. Требование — предоставить полный список сотрудников, работавших над проектом «Энигма».

— И ты их отдал?

— А что мне, по-твоему, оставалось делать? — в голосе Винтера скользит раздражение вперемешку со злостью.

После небольшой паузы добавляет:

— Кристоф, мы с тобой не властны даже над собственной жизнью, не говоря о таких проектах.

До Бланшара доходит не сразу. Час назад. Письмо от военных пришло час назад. А он получил сообщение от Винтера только двадцать минут назад. Сорок минут разницы. Сорок минут, которые он провёл в своём кабинете.

— Ты пытался связаться со мной?

— Ты отключил внутренний канал. — В его голосе ни упрёка, ни злости. Только усталая ирония. — В следующий раз, когда решишь закрыться от мира, оставь хотя бы одну дверь открытой.

Бланшар отводит взгляд. Злость — глухая, горячая — поднимается в груди. Не на Винтера. На себя. Привычка, которая всегда помогала ему работать, сейчас оставила его в слепой зоне. Он резко встаёт и начинает ходить по кабинету. Шаги жёсткие, отрывистые.

Стук в дверь прерывает их.

— Входи, — коротко отвечает Винтер.

Кристина быстро проходит к столу, расставляет роксы, забирает остывшую чашку с кофе и так же молча уходит.

Винтер даёт ему минуту. Потом добавляет — тише, словно это стоило ему больше, чем он показывает:

— Я смог договориться о твоём присутствии. Как руководителя группы.

Бланшар замирает на полушаге. На скуле дергается желвак. Он резко подходит к столу, с силой бьёт ладонью по поверхности и сквозь зубы произносит.

— Мне не нужен статус, Отто. Мне нужна моя лаборатория.

— Кристоф, сядь, ради бога. Я зол не меньше тебя. — Голос Винтера приказной и одновременно уставший.

Бланшар медлит, но взгляд Винтера тяжелеет — и он садится. Оба молчат. В воздухе напряжение, слышно только тяжёлое дыхание Бланшара.

Винтер пододвигает рокс ближе к Бланшару. Тот некоторое время смотрит на виски молча. Большой палец правой руки отбивает по столу — сухой, размеренный перебор. Просто ритм. Способ заземлиться.

Винтер тяжело вздыхает и отпивает из своего рокса. Секунду держит во рту и глотает. Виски проходит сквозь горло, оставляя лёгкое жжение, и дубовый след.

— Чёрт с тобой. — Бланшар выпивает залпом.

Винтер смотрит, приподняв бровь. Глоток обжигает горло Бланшара и падает в пустой желудок, как раскалённый камень. Он кашляет, как если бы выпил кислоту. Через пару секунд кашель проходит, но желудок начинает жечь.

— Когда ты ел в последний раз?

— Вчера... или предыдущим днём... не помню.

Винтер вновь касается виска.

— Я не буду есть. Не до этого.

— Иногда мне кажется, что ты специально пытаешься сдохнуть.

— Отто...

— Нет, серьезно...

Винтер не отвечает, встаёт и идёт к окну, долго смотрит на вечерний город. Летом людей на улицах всегда много. В это время года Цюрих особенно оживает: мягкая переменная погода словно выманивает людей из домов.

Кристоф наблюдает, как молодая пара туристов идет вдоль тротуара, то и дело останавливаясь, чтобы сфотографировать старые фасады и витрины.

Невольно он думает: когда он сам в последний раз просто был на улице? Не бежал между корпусами института. Не спешил на встречу. Не возвращался домой. Просто гулял.

Бланшар вздыхает и ловит отражение Винтера: тот сидит полубоком, закинув ногу на ногу. Локоть упирается в стол, пальцы придерживают подбородок. Он смотрит на проекцию. Экран пуст. Переводит взгляд обратно к городу.

Несколько долгих минут они остаются на своих местах. Бланшар замечает, как Винтер берёт оба рокса и подходит к окну, протягивает второй Бланшару. Оба пьют медленно.

— Отто, ты же понимаешь, что Химеру можно репрофилировать.

Винтер поднимает глаза. Он редко называет её так — Химерой. Обычно — «носитель». «Химера» означает, что Бланшар напуган.

— Ты про модуль репликации?

— И про него тоже. Если они поймут, как работает «Химера... — Бланшар осекается. — Это не просто терапия, Отто. Это оружие.

Бланшар делает глоток и морщится. Поворачивается корпусом к Винтеру, на лице тревога.

— Могут ли они уже знать, что это ксено-технология?

— Пока не знаю.

Бланшар долго смотрит в дальнюю точку города, туда, где заканчивается его свет. Потом так резко разворачивается корпусом, что жидкость в роксе бьется по стенкам, расплескавшись на его руку. Не ожидавший этого Винтер делает шаг в бок, чтобы виски не попал на него.

— У нас есть время?

— Мой человек в Федеральном департаменте обороны¹ сейчас выясняет детали. Жду звонка.

Бланшар бросается к столу, ставит рокс с недопитым виски, капли с руки стряхивает в воздух. Через плечо кидает:

— Я лучше подстрахуюсь.

Винтер коротко ему кивает.

Бланшар вылетает из кабинета, бросив Кристине мимолётный взгляд.

Он почти бежит в личный кабинет. Коридор встречает его холодным светом. Шаги гулко отражаются от алюминиевых панелей.

Войдя в кабинет, направляется к картине у стеллажей. За ней — скрытый сейф. Кристоф долго смотрит на него, потом прикладывает палец к сканеру и вводит код. Когда металл щёлкает и дверца поддаётся, он несколько секунд просто смотрит внутрь — на папки, блокноты, распечатки с пометками на полях. Несколько лет работы умещаются в тесной металлической нише неожиданно легко.

Сбоку, у стенки сейфа, замечает бархатный футляр. Его взгляд останавливается на нём. Слишком долго. Он морщится, будто от света, и достаёт всё, что в сейфе, кроме футляра — тот слишком дорог. Идёт к столу и забирает блокнот. Из ящика стола достаёт коробку, вынимает один «Снэп», кладёт в карман.

Коридор пуст. Он проходит через лабораторию, не глядя на аппараты.

Старая металлическая бочка у стены в подвале.

Он сбрасывает туда бумаги. Они ложатся неровно, с глухим шелестом. На секунду замирает. Пять лет кропотливого труда. Касается СинапсМини за ухом. Он не может уничтожить всё вот так. Быстро раскладывает нужные бумаги и через нейролинзу сканирует их. Остальное — у него в голове, он сможет восстановить. Собирает бумаги вновь и отправляет в бочку. Даёт команду отправить информацию в «Вольт», в ячейку хранения. Он знает: информацию оттуда не достать без его сетчатки.

Достаёт «Снэп» из кармана. Матовый цилиндр, оранжевая головка. Берёт за основание — пальцы ложатся выше насечки, привычным движением, не глядя. Надламывает.

Внутри что-то хрустнуло — микрокапсула разрушилась. Катализатор коснулся воздуха. Кончик стержня налился оранжевым, потом ярко-белым. Ни пламени, ни дыма — только ровное, почти спокойное свечение. Жар волной прошёл по пальцам. Запахло нагретым металлом и чем-то острым, химическим — запах, который ни с чем не спутаешь.

Он разжал пальцы. «Снэп» упал в бочку.

Бумага не вспыхивает сразу. Край верхнего листа темнеет — медленно, как фотография в проявителе. Тёмное пятно ползёт к центру. Бумага сморщивается, идёт волнами. Чернила на мгновение проступают ярче — и исчезают, выгорают раньше, чем занимается сам лист.

А потом — хлопок. Глухой, утробный, словно бумага только и ждала этого момента. Пламя взмывает вверх, жёлтое, живое. Листы скручиваются — края загибаются, чернеют, проваливаются внутрь себя. Один из листов выворачивается пламенем наружу. На секунду он видит дату. Два года назад. Самый удачный день исследования. Через мгновение бумага чернеет.

Огонь пожирает их слой за слоем. Там, где секунду назад были формулы, графики, расчёты, — теперь только пепел. Серые хлопья взмывают над бочкой, кружатся, оседают на рукава халата.

«Снэп» отработывает свои десять секунд и гаснет. Но пламени он уже не нужен — бумага горит сама.

¹ Федеральный департамент обороны – далее по тексту ФДО

Он стоит слишком близко. Жар бьёт в лицо, сушит глаза. Запах горячей бумаги смешивается с химическим следом катализатора. Огонь добирает последние листы. Они чернеют, скручиваются, рассыпаются.

Он не отступает и не отводит взгляд. Когда пламя опадает и остаются только угли — багровые, подёрнутые серым пеплом, ещё живые. Бланшар разворачивается и идёт к двери.

Кристоф не тратит время. Минуя все повороты и проходы этажа, идёт в лабораторию. Зайдя в смотровую, закрывает за собой дверь на замок.

Как только подходит к столу, «Синапс» разворачивает над собой трёхмерную проекцию. На экране — структура ксено-носителя. «Химера».

Спящий режим.

Промотор SYN1 — горит серым, заглушен.

Модуль репликации — серый, отключён.

Модуль распространения — серый, отключён.

Таргетинг АРОЕ4 — активен, горит зелёным.

Это то, над чем он работал все эти годы. Кристоф почти достиг прорыва. Ключ к безопасному таргетингу всё ближе, но ему ещё не хватает финальной последовательности.

Для человека, который привык работать головой, эта спонтанная физическая нагрузка оказывается непривычной. Недели без отдыха, недосып, голод и только что выпитый виски тяжёлой волной бьют по голове. Он приваливается к краю стола, перенеся вес на правую руку.

«СинапсМини» даёт сигнал о поступившем звонке. Кристоф отвечает спустя полминуты.

— Что там? — тяжело дышит.

— Ты не сразу ответил... Всё нормально? — голос Винтера встревоженный.

— Виски был лишним... что у тебя? — слова даются болью в висках.

— ФДО влез в архивы... они нашли информацию о ксено-носителе.

Бланшар замирает.

— Кто?

— У них новый глава. Назначили две недели назад. Первое, что он сделал, — затребовал поднять все архивы с истекшим сроком давности Комитета по стратегическим угрозам² — всё всплыло.

— Не мог он просто туда влезть. Слишком точное попадание.

Пауза. Винтер выдыхает.

— Да... скорее всего, утечка. Кто-то внутри самой Корпорации.

— Или... наши. — Бланшар отводит взгляд.

Эту мысль не хотелось произносить вслух.

Они ничего не говорят. Каждый знает, что нужно делать. Бланшар отключается, ничего не добавив.

Кристоф смотрит на проекцию. В висках — глухой пульс. Виски смешался с голодом и недосыпом в мутную, тяжёлую волну. Перед глазами плывёт. Стоит неподвижно. Пять секунд. Десять.

Затем открывает «Вольт» — личное хранилище. Система считывает узор глаза, нейропаттерн подтверждает: *владелец*. Ячейка открывается. Он отправляет данные — к тем, что уже были отсканированы в подвале. Формулы. Ключи. Расшифрованную структуру модуля репликации. Всё, что нельзя уничтожить безвозвратно, но нельзя и оставить.

Он моргает. Прогоняет муть. Зачистка. Нужно закончить.

Пальцы ложатся на виртуальную клавиатуру. Первые нажатия — мимо. Он промахивается по клавишам, чертыхается, бьёт ладонью по столу. Боль отрезвляет — на минуту.

² Комитета по стратегическим угрозам – далее по тексту КСУ

Он открывает редактор. Слои за слоями снимает с системы всё, что указывает на истинную природу Химеры.

Данные о модуле репликации — стёрты.

Расчёты по перепрофилированию промотора — стёрты.

Заметки о контактном пути распространения — стёрты.

Проекция двоится. Он трёт глаза. Осталось последнее. «Защита» — уголки губ растягиваются в ироничной улыбке. Цифровые данные в «Вольте» намертво заперты под его уникальную сетчатку, ФДО их не вскрыть. Но они заберут сам физический образец. Заберут, обнаружат его ксено-природу и неизбежно превратят в оружие. Этому нужно помешать. Сделать так, чтобы без его личного кода никто — ни ФДО, ни сам чёрт — не смог даже подступиться к «КриоКору».

Он заходит в корневой доступ. Система запрашивает подтверждение личности — сетчатка, нейро-паттерн. Он подтверждает. Строки кода бегут перед глазами.

Вот они. Три уровня, которые удерживали ксено-субстанцию в анабиозе пять лет:

Ингибиторный буфер: активен.

Промотор SYN1: заглушен.

Контактный путь: отключён.

Пальцы дрожат от усталости, строчки плывут, но мысль идёт ровно, подчиняясь холодному расчёту гроссмейстера. Он торопится, но действует осознанно. Стирает стандартные директивы безопасности и вводит новые. Намеренно снимает ингибиторы, запускает промотор. Он делает «Химеру» активной. Без него ФДО не рискнет лезть к ней.

На экране вспыхивает системное предупреждение:

«Режим защиты деактивирован. Контактный путь: активен».

Бланшар смотрит на строчку абсолютно трезво, несмотря на выпитый виски и неделю без отдыха. Риск колоссальный, но оставить им безопасный, спящий образец — значит потерять контроль. Он опускает палец на сенсор. Твёрдо. Подтверждая команду.

Система принимает био-паттерн. Проекция гаснет. «Синапс» уходит в режим ожидания.

И только сейчас, когда дело сделано и напряжение спадает, пустой желудок Бланшара с опозданием сводит резким, глухим спазмом от алкоголя. Кристоф морщится, тяжело опирается ладонью о край стола и переживает внутреннюю вспышку боли.

На поверхности серверов остаются лишь общие формулы. Неполные цепочки. То, что выглядит как добросовестное исследование терапии от Альцгеймера — и ничего больше. Если Департамент Обороны заберёт серверы — они увидят только эту ширму.

Бланшар выдыхает. Отходит от стола, ноги наливаются свинцом, он опирается на край. Закрывает глаза и позволяет телу немного прийти в себя. Остаётся в этом положении пару минут. И уже собираясь уходить, машинально бросает взгляд через смотровое окно.

Прищуривается.

На приборной панели «КриоКора» один за другим загораются новые маркеры. «Химера» приняла его код. Она активна прямо в эту минуту.

И прямо там, у контейнера — Лена. Его лаборантка.

Кристоф хмурится.

«Она же вчера отпрашивалась на сегодня».

Почему она здесь? И почему не предупредила, что придет?

Лена стоит полубоком, в руках ампула, на столе планшет, что-то записывает. Она понятия не имеет, что субстанция внутри «КриоКора» только что проснулась по его воле.

Он с трудом отрывает себя от стола. Каждый шаг дается ему через боль в висках, но осознание опасности заставляет двигаться быстрее.

У порога Блока А-5 окликает Лену. Она не реагирует. Подходя ближе к центру помещения, зовет еще раз. Замечает, что она в нейро-наушниках «СаундФилд», дергает головой в такт чему-то.

— Опять в «Коконе», говорил ведь не отключаться от мира.

Замечает, что она достаёт другую ампулу — дубликат. Подходит к ней ближе, чтобы немедленно вывести из опасной зоны, зовет еще раз. Не слышит. Трогает аккуратно за плечо.

— Лена...

Она, сосредоточенная на записях, от неожиданного прикосновения вскрикивает и от испуга резко вскидывает руки. Ампула вылетает из пальцев. Лена пытается её поймать, неловко задевает кончиками пальцев.

Ампула меняет траекторию.

На долю секунды время словно растягивается.

Кристоф успевает увидеть все сразу: прозрачное стекло, металлическое основание «КриоКора», тонкую дугу полета. И осознание ударяет мгновенно.

«Не эту ампулу».

«Только не сейчас».

Тело реагирует раньше мысли. Он делает рывок вперед, выбрасывая руку навстречу падающему стеклу. Но мир уже догонял его усталость. Ноги не успевают за движением. Пол качается. Центр тяжести уходит вперед. И в следующую секунду он понимает, что падает сам.

Ампула падает раньше, и со звонким «дзынь» бьётся. Жидкость вытекает по поверхности корпуса «КриоКора» и стекает на пол. Бланшар, вытягивает руки, чтобы смягчить удар и падает раскрытыми ладонями на осколки. Из мелких порезов мгновенно сочится кровь.

Лена стоит с открытым ртом — беззвучно. Зрачки расширены. Дыхание прерывистое, словно в груди застрял крик. Рука так и остается протянутой к пустому пространству, где только что была капсула.

— Дерьмо. — Сквозь зубы произносит Кристоф.

Голос доктора Бланшара выводит ее из ступора. Она смотрит на профессора в ожидании упрека, гнева — чего угодно. Замечает кровь на его ладони и делает шаг вперед. Но Бланшар грубо останавливает ее на полпути:

— Стой, не подходи.

Лена стоит, не понимая, что делать.

Бланшар смотрит на ладонь и видит, как по руке растекается жидкость. Тёплая. Смешанная с кровью — мелкие струйки проступают из порезов. Но вместо того, чтобы подчиниться силе тяжести и сорваться вниз на кафельный пол, мутные капли сыворотки ведут себя неправильно. Они замирают. Стягиваются в плотную идеальную сферу, словно ртуть, и начинают медленно, целенаправленно ползти по коже, прямо к краям ран.

Бланшар задерживает дыхание. Он ждёт боли, ждёт химического ожога, но вместо этого ладонь прошивает высокочастотная, едва ощутимая вибрация. Словно под кожу пустили слабый, ледяной переменный ток. Капли касаются сочащейся крови, на секунду меняют цвет на багровый — и буквально ввинчиваются, втягиваются в капилляры, не оставив на коже ни малейшего влажного следа. Будто их там никогда не было.

Он замирает. Сердце пропускает удар.

Неуверенный шорох подошв Лены по кафелю выводит Бланшара из оцепенения.

— Лена, покинь помещение. — Голос твердый, не терпящий возражений.

— Но ведь... — её голос на грани срыва.

— Выполняй. — Уже грубее.

Лена делает пару шагов к выходу, на секунду останавливается, бросает короткий взгляд на Бланшара и все же выходит.

Бланшар набирает Винтера, не отводя взгляд от ладони. Кровь есть. Сыворотки нет. По позвоночнику проходит ледяная волна.

— Отто... у нас тревога... закрывайте мой этаж на карантин...

На том конце несколько секунд тишина.

— Что?

Бланшар смотрит на ладонь.

— Химера вошла в контакт.

Пауза.

— Что значит вошла в контакт?

Кристоф поднимается на ноги, не сводя взгляд с рук.

— Я заражён.

Тишина. Он слышит только тяжелое дыхание Винтера.

— Кристоф...

— Закрывай этаж, Отто. — Голос Кристофа звучит слишком спокойно. — Немедленно.

Винтер не спорит.

Бланшар слышит, как тот уже отдаёт команды кому-то рядом.

— Перекрыть сектор С-2.

— Заблокировать все переходы.

— Отключить вентиляцию.

— Никого не впускать.

— Никого не выпускать.

Кристоф прислоняется к столу. Впервые за последние минуты позволяет себе закрыть глаза. В голове бьётся только одна мысль. *«Только бы не воздушный путь.»*

— Лена? — внезапно спрашивает Винтер.

Бланшар открывает глаза. Смотрит на дверь.

— Она ушла.

— Контакт был?

Кристоф вспоминает ампулу. Осколки. Жидкость. Свою кровь. Несколько секунд молчит.

— Не видел. Проверьте ее первой.

— Кристоф...

— Сначала закрой этаж.

Он отключает связь.

Через двенадцать минут сектор полностью изолирован. Сотрудники службы безопасности проверили помещение, активировали карантинный протокол и покинули этаж. Красные полосы аварийного освещения медленно замигали вдоль стен.

Бланшар остаётся один.

Первые два часа ничего не происходит. Именно это пугает сильнее всего.

Он сидит за столом и пишет.

Температура тела — 36,7. Пульс — 92. Контакт подтверждён. Проникновение через кровоток. Болевой реакции нет. Кожных изменений нет.

Через несколько минут добавляет ещё одну строчку.

Возможен вторичный контакт.

Проверить Лену.

Он долго смотрит на последнюю запись. Потом закрывает блокнот.

Через час появился жар. Не сильный. Станный. Словно нагревалось что-то внутри головы.

Он поднимает взгляд на потолок. Лампы гудят. Тихо. Как и всегда. Но теперь он слышит этот звук отчётливо. Слишком отчётливо. Будто внутри монотонного гула скрывается структура.

Кристоф хмурится. Ловит себя на том, что уже несколько минут пытается расшифровать шум ламп. И впервые пугается.

Запись №7.

Температура 37,9. Слуховая гиперчувствительность. Появляются навязчивые попытки поиска закономерностей. Сознание сохранено.

Запись №11.

Температура 38,4. Шум становится громче. Не уверен, что это симптом.

Запись №16.

Проверить Лену. Важно.

Через четыре часа он замечает первую серьёзную проблему. Смотрит на слово в блокаде. Долго. Он сам написал его несколько секунд назад. Но не может понять, правильно ли оно написано. Слово выглядит чужим. Незнакомым. Будто принадлежит другому языку. Кристоф перечеркивает строчку. Пишет заново. Снова перечеркивает. Ручка дрогнула в пальцах. В груди впервые появилась настоящая паника.

Кристоф касается «СинапсМини» за ухом.

— Запустить протокол наблюдения.

— *Режим?*

— Непрерывный.

— *Подтверждено.*

Если он потеряет способность писать, система продолжит фиксировать данные. Учёный внутри него всё ещё отказывался сдаваться.

Запись №23.

Не понимаю, почему шумят лампы. Они всегда шумели?

Запись №27.

Кажется, забываю слова. Пока не критично.

Запись №31.

Проверить Лену. Не забыть.

Запись №34.

Что-то происходит с памятью.

Он кладёт ручку.

Закрывает глаза.

На несколько секунд ему кажется, что он забыл название лаборатории. Не слово. Само место. Будто оно существовало всегда, но никогда не имело имени.

Нейролинза: запись сохранена.

Запись №38.

Не могу вспомнить... Пауза длится почти минуту. Запись оборывается.

К полуночи Бланшар уже не может работать. Он стоит перед кофейным автоматом в комнате отдыха сектора и смотрит на него. Предмет знакомый. Он знает это. Но не понимает, зачем тот существует. Для чего нужен. Что делает. Слово медленно стирает связи между объектом и его значением. Кристоф отступает назад. Холодный страх начинает сжимать грудную клетку.

Запись №41.

Память нарушена. Скорость деградации выше расчётной.

Он смотрит на дверь.

Почему-то кажется важным не выходить. Он не помнит почему. Но знает, что должен остаться.

Нейролинза: запись сохранена.

Запись №44.

Почему дверь закрыта?

Запись №45.

Кто закрыл дверь?

Запись №46.

Хочу выйти.

Запись №47.

Отто. Открой.

Он ещё не понимает, что именно сам приказал объявить карантин.

К утру его обнаруживают лежащим возле двери сектора. Полубессознательным. Не узнающим сотрудников службы безопасности. Не понимающим обращённой речи. Когда его вывозят на каталке, он всё ещё пытается что-то сказать. Но вместо слов выходят только отдельные звуки.

Последняя связная запись сохранилась в памяти нейролинзы.

Запись №51.

Если кто-то найдёт это... Долгая пауза. Почти двадцать секунд. Проверить...

Л...

Запись оборвалась.

Палата тонет в белом свете. Потолок расплывается перед глазами ровной, почти болезненной пустотой. Где-то сбоку тихо капает капельница. Монотонный писк кардиомонитора выводит одинаковый ритм, от которого со временем начинает казаться, будто сама тишина здесь подчиняется этому звуку.

На стене напротив работает телевизор. По экрану бегут кадры: заколоченные окна, люди в защитных костюмах, штабеля тел.

Репортаж из Цюриха.

— *Эпидемия неизвестного вируса, получившего неофициальное название «Мнемовирус», продолжает распространяться по Европе, —* говорит ведущая. — *По последним данным, количество заражённых превысило двести тысяч человек. Власти призывают граждан соблюдать карантин...*

На экране снова меняется картинка. Студия, ведущая, бегущая строка внизу. Слова распадаются на бессмысленные символы. Он больше не понимает их значения. Но почему-то не может отвести взгляд.

На экране плачет женщина.

Кто-то кричит.

Кто-то держит на руках ребенка.

И где-то глубоко внутри поднимается чувство, которому он уже не может дать имя.

Оно приходит раньше мысли, памяти или слов.

Словно что-то внутри все еще знает источник.

Слезы медленно скатываются по вискам. Тело помнит то, что память уже не способна удержать.

Кристоф Бланшар так и не понял, что происходит на экране.

Но продолжает смотреть.

До самого конца.

Глава 2

ГЛАВА 2.

«Год спустя. Тихая планета»

*«Некоторые изменения начинаются
задолго до первых симптомов.»*

Цюрих, район Альтштеттен. 14 марта 2050 года, 02:00.

Жидкий биополимер отходит от кожи с сухим, змеиным треском — Алисия медленно стягивает защитную плёнку с пальцев. Берётся за край полумаски у подбородка, слегка тянет, и мягкий полимер «Ауры» послушно отлепляется от лица, размыкая слабый электростатический заряд.

Она бросает перчатки и маску в герметичный раструб утилизатора. Клапан шлюза привычно хлопает, втягивая воздух, и внутри на секунду вспыхивает фиолетовое термическое пламя.

Из палат доносится привычный фоновый шум отделения: писк мониторов, шаги дежурной смены, далёкий гул систем жизнеобеспечения.

На ресепшене Нэнси пододвигает ей планшет.

— Распишись.

Алисия прижимает большой палец к сканеру. Планшет коротко пищит — принято.

Нэнси выдаёт тонкую серую расчетную пластину.

— Сегодня четыреста баллов.

— После вычета?

— После.

Алисия молча кивает. После обмена получается около четырёхсот франков. Все равно не хватает.

— Алисия, имей в виду, — говорит Нэнси, не поднимая глаз от экрана. — в следующем месяце поставок может не быть. Или придёт гораздо меньше.

Алисия поднимает взгляд.

— Почему?

— «Терминус» урезает квоты.

В груди неприятно сжимается. Если поставки сократят, она не сможет покупать препарат для мамы.

Нэнси тем временем выгружает на стойку стопку свежих рекламных брошюр. Сверху лежит яркая листовка.

ПРОГРАММА T-12

Набор добровольцев для участия в исследовании терапии Мнемовируса.

Компенсация участникам:

1000 франков.

Исследовательский центр «Терминус».

Ровно столько, сколько сейчас кажется спасением. Рука тянется к буклету.

В этот момент терминал издаёт резкий сигнал. Нэнси поворачивает голову.

— «Гробовщик» прибыл.

Алисия торопливо убирает расчётную пластину вместе с брошюрой в нагрудной карман формы. На ходу брызгает на руки свежий биополимер. Прижимает к лицу «Ауру» .

Тяжёлые двери приёмного покоя с шипением разъезжаются. В коридор на гусеничном ходу заезжает невысокий, коренастый робот матово-чёрного цвета, с обтекаемым корпусом без острых углов. Спереди у него темнеет решётка излучателей магнитного поля, а следом за ним, бесшумно плывя по воздуху, двигаются две вытянутые белые капсулы. Сквозь толстые многослойные стёкла прозрачных крышек отчётливо видны очертания двух тел.

Робот подъезжает к терминалу и выгружает запись о месте обнаружения. На экране появляется захламлённая квартира в Альтштеттене. Робот приближается к кровати, чтобы поднять старика, и в этот момент в угол кадра попадает клочок обычной бумаги, оставленный на тумбочке. С единственным на нём словом: «*Простите*».

Алисия застывает перед экраном. Она чувствует, как внутри что-то болезненно сжимается. Шестьсот франков за один картридж «ЛименВитэ» — неподъёмная, удушающая тяжесть.

С тяжёлым чувством она отворачивается от экрана, давление в висках стягивает спазм, она их трёт и идёт в сторону свободной палаты. Следом за ней, мерно шурша гусеницами, едет робот, а за ним послушно плывут капсулы.

В палате капсулы плавно опускаются на стационарные платформы. Алисия подходит к первой. В прозрачной крышке предусмотрены технологические порты, затянутые тонкой мембраной. Она вводит руки в рукава биоплёнки и закрепляет диагностические контакты. Показатели выводятся на экран над капсулой: пульс, температура, электрическая активность мозга. Все показатели держатся на нижней границе допустимого. Она повторяет процедуру со второй капсулой.

Через пару часов пожилая пара умирает.

Тела отправят на обязательную кремацию. После пандемии других вариантов больше не существует. Она знает: это ждёт каждого. В голове всплывает мама. Она сидит в кресле, подключённая к питательному насосу, уже не в силах двигаться и говорить. Алисия боится одного: если она сломается или не выдержит гонку за «ЛименВитэ», мама окончательно угаснет. И однажды за ней тоже приедет «Гробовщик».

Алисия делает несколько шагов по коридору. Боль в висках, тлевшая последние часы, внезапно усиливается, она морщится. Ещё шаг — и вдруг мир взрывается белым светом. Боль вспыхивает так резко, словно кто-то вогнал раскалённый штырь прямо в череп. Алисия падает на колени, зажимает голову руками. Гул нарастает, становится невыносимым и сквозь этот шум она слышит — тяжёлое, монотонное жужжание. Она поднимает голову, но не может определить откуда звук, срывает с себя перчатки и маску, хватается за стену и старается глубоко, размеренно дышать. Не помогает. Шум стремительно нарастает, становится всё громче и ближе, словно в черепе замуровали рой насекомых. Ослепительный белый свет бьёт изнутри под веки. Алисия зажимает уши руками. Вспышка проходит так же быстро, как и начинается. Судорога отпускает тело, оставляя Алисию сидеть на коленях посреди коридора. Она медленно опускает руки, судорожно глотая воздух. В висках остаётся только невыносимое, горячее жжение и едкий, глубокий зуд. Она осматривается по сторонам — никого. Её не должны найти в таком состоянии.

Она встаёт и задевает запястье с «СинапсМини», на всплывшем экране — пять утра. Её смена закончена. Ей нужно быстро уйти.

Алисия бросается к своему боксу, торопливо забирает вещи и укладывает их в рюкзак. Куртку перевешивает через руку. В коридоре она идет быстрым шагом, замедляется у самого ресепшена. Выходит, минуя Нэнси.

Нэнси её окликает и замечает, что Алисия тяжело ступает.

— Лис, все нормально?

У Алисии все внутри холодеет. Она оборачивается. Пересилив себя, спокойно произносит:

— Да, Нэнс, все хорошо... Просто устала.

— Да, мы все устали. Не забудь картридж с «ЛименВитэ».

Алисия торопливо подходит к стойке, забирает картридж и убирает его в рюкзак.

— До завтра.

Нэнси коротко кивает, и вновь сосредотачивается на планшете.

Тяжёлая дверь центра выпускает Алисию наружу. От мартовского холода пробирает дрожь. Глаза жжёт, нервы ещё оголены. Спазм в висках отдаёт глухим, изматывающим зудом. Она щурится, прикрывает глаза и делает глубокий вдох. Даёт себе время. Ощущения выравниваются. Алисия надевает куртку, приподнимает воротник и идёт в сторону Бинцштрассе.

Вокруг — стерильная чистота. Мимо медленно проезжает робот-уборщик, монотонно трущий щёткой по гладкому бетону. Следом, вдоль противоположной стены, движется другой — этот распыляет дезинфектор на тротуар и фасады. Алисию передёргивает от этой стерильности.

Метров через двести впереди показывается поворот на Бинцштрассе. Она уже собирается свернуть, когда вновь слышит знакомое жужжание. Она сразу узнаёт этот звук. По спине пробегает холодок. Несколько минут назад такой же гул едва не свёл её с ума в паллиативном центре, и теперь сердце неприятно сжимается в ожидании новой вспышки боли.

— Только не снова...

Жужжание не исчезает. Наоборот, становится отчётливее. Алисия делает ещё несколько шагов и сворачивает за угол. Вдалеке, метрах в трёхстах впереди, возвышается ГридСтела.

Чёрная колонна поднимается над улицей, как упрямый обломок другого времени. Экран на её поверхности продолжает работать. Изображение мерцает, временами рассыпаясь пиксельной рябью, но система всё ещё держится. С экрана улыбается молодая женщина в белом комбинезоне. За её спиной простирается оранжевая марсианская равнина. Ниже по-прежнему светится надпись:

«Mars braucht dich. Die Bewerbung ist offen.»

«Mars needs you. Applications are open.»

«Mars ждёт тебя. Запись открыта.»

Под рекламой стоит дата.

Март 2041 года.

Когда-то отсюда отправлялись последние партии переселенцев. Тогда человечество ещё строило планы на десятилетия вперёд, запускало корабли к соседней планете и всерьёз верило, что будущее уже наступило. Потом появился Мнемовирус. Связь с колониями оборвалась. Космические программы закрылись одна за другой, а ГридСтела так и осталась на своём месте. Она не знает, что мир изменился. Не знает, что обещание на её экране давно превратилось в памятник несбывшемуся будущему. Высокочастотный гул продолжает висеть в воздухе.

Алисия невольно ускоряет шаг. Ей хочется поскорее миновать этот участок улицы. Когда она проходит мимо, экран на мгновение дрожит. По лицу улыбающейся женщины пробегает рябь, затем изображение восстанавливается. Алисия опускает взгляд и идёт дальше, не оглядываясь. Только свернув на Шёнлайнштрассе, она чувствует, как напряжение немного отпускает. Но ненадолго. Через несколько десятков метров ей снова слышится отзвук. Будто кто-то негромко кашляет. Она резко оборачивается, но улица остаётся пустой. Лишь робот-уборщик медленно движется вдоль стены, оставляя за собой влажную полосу на бетоне. Алисия хмурится и продолжает путь.

Через минуту шум повторяется, на этот раз будто ближе. Она снова оглядывается. Никого. Странность заключается даже не в самом звуке, а в том, что она никак не может опре-

делить, откуда он идёт. Кажется, расстояние постоянно меняется. Словно источник находится одновременно и рядом, и где-то далеко. Ей становится не по себе. Она ускоряет шаг.

Впереди у стены стоит молодой парень. Он сосредоточенно смотрит на замок собственной куртки, снова и снова пытается попасть бегунком в направляющую. Пальцы двигаются неловко, будто забыли привычную последовательность действий.

Алисия замедляется. Ей слишком хорошо знакомы подобные признаки. Ещё не тяжёлая стадия — пока нет. Но болезнь уже начала свою работу.

В этот момент над улицей проносится знакомый гул двигателей. Алисия поднимает голову. Между домами медленно скользит патрульный дрон. Его сканирующий луч последовательно проходит по фасадам зданий, окнам и редким прохожим. Парень тоже замечает машину и застывает на месте. Белый луч касается его лица, задерживается на секунду, потом двигается дальше.

Дрон не останавливается. Значит, пока ещё недостаточно. Алисия чувствует, как внутри всё неприятно сжимается. Она переходит на противоположную сторону улицы и идёт быстрее. В следующую секунду луч скользит уже по ней. Яркая полоска света проходит по куртке, лицу, запястью с «СинапсМини». Алисия невольно задерживает дыхание. Дрон продолжает маршрут, никакой реакции, никакой остановки, но тревога уже успевает пустить корни.

Она больше не пытается прислушиваться к странным звукам вокруг. Не пытается разобраться в происходящем, просто ускоряет шаг. Пока шаг не превращается почти в бег. Впереди наконец показывается её дом.

Лестница пахнет сыростью и металлом, Алисия бежит на второй этаж.

Она не сразу попадает ключом в замок, руки дрожат. Наконец ключ в замке, поворачивается с хриплым скрежетом.

Алисия рывком заходит в прихожую и захлопывает дверь. Рюкзак соскальзывает с плеча и падает на пол. Она приваливается спиной к двери, пытаясь восстановить дыхание. Грудь тяжело поднимается и опускается, словно после долгого бега. Через несколько секунд она медленно сползает вниз и садится, подтянув колени к груди.

Обычно дома ей становится легче. Сегодня этого не происходит. Дом встречает её привычным шумом повседневной жизни, но слишком громко. Из глубины квартиры доносится ровное жужжание станции НутриФлоу. Где-то наверху проходит сосед. Скрипят старые половицы, шумят трубы. Обычно эти звуки почти не привлекают её внимания. Сегодня она слышит каждый из них слишком отчётливо.

Алисия опускает голову на колени и заставляет себя сосредоточиться на самом важном. Сквозь весь этот бытовой шум она различает размеренное дыхание мамы. Медленный, знакомый ритм постепенно вытесняет остальное. Время словно замедляется. Напряжение понемногу отпускает плечи, но тело остаётся тяжёлым и чужим, будто после многочасового боя.

Когда она наконец пытается подняться, ноги едва держат её. Ладонь ложится на стену прихожей. Усталость после смены и странный приступ на улице выжали из неё последние силы. Первый шаг даётся тяжело. Мир на мгновение теряет устойчивость. Алисия закрывает глаза, ждёт несколько секунд и только потом делает следующий шаг. Она идёт через квартиру медленно, будто преодолевает толщу воды.

Квартира встречает её привычной неподвижностью. Когда-то здесь постоянно звучали разговоры. Мама любила оставлять включённым радио на кухне, напевала себе под нос, пока готовила ужин, звала Алисию из соседней комнаты. Теперь большая часть этих воспоминаний живёт только у неё в голове.

В гостиной всё остаётся таким же, как вчера, неделю назад и месяцем раньше.

У стены стоит медицинская кушетка, на которой лежит мама. Синий халат свободно облегает исхудавшее тело, а лицо в рассеянном утреннем свете кажется почти прозрачным. Над головой едва слышно работает портативный питательный насос, поддерживая жизнь, которая

с каждым месяцем словно отдаляется всё дальше, ускользая туда, куда Алисия уже не может за ней последовать.

Алисия подходит к кушетке, осторожно берёт мамину руку и тяжело опускается в кресло рядом. Кожа оказывается прохладной, и это простое прикосновение почему-то приносит облегчение. Пока она чувствует эту руку в своей ладони, болезнь, страх и весь остальной мир словно отступают на несколько шагов.

Она чуть крепче сжимает тонкие пальцы матери и некоторое время сидит молча, прислушиваясь к её ровному дыханию. Сейчас для неё существует только этот звук — тихий, размеренный, всё ещё удерживающий маму по эту сторону жизни. Алисия склоняет голову и осторожно касается лбом края кушетки.

— Hola, mamá... — шепчет она едва слышно.

Голос предательски дрожит.

— Мам... ты помнишь меня?

Ответа нет. Как нет уже много месяцев. Она смотрит на знакомые черты лица и всё равно ловит себя на нелепой надежде. Что мама вдруг откроет глаза. Узнает её. Спросит, почему она снова вернулась так поздно. Но комната остаётся прежней. Слышно только дыхание и негромкое жужжание питательного насоса.

Алисия медленно проводит ладонью по одеялу, поправляя его на худых плечах матери, затем поднимается из кресла. Тело отзывается тяжёлой усталостью. Кажется, за последние сутки она прожила сразу несколько дней.

В спальне она первым делом освобождает карманы формы. На прикроватный столик ложится расчётная пластина с баллами, рядом оказывается сложенная рекламная листовка «Терминуса». Следом Алисия снимает с запястья «СинапсМини» и кладёт его рядом. Экран на секунду вспыхивает, показывая остаток заряда, после чего тускнеет. Только теперь она позволяет себе расстегнуть ворот формы.

В ванной Алисия стягивает рабочую одежду и загружает её в бытовой очиститель. Панель оживает под прикосновением ладони, створка открывается, и ткань исчезает внутри устройства.

В душе первые минуты она просто стоит под струями, закрыв глаза. Напряжение постепенно отпускает мышцы шеи и плеч. Вместе с водой уходят запахи паллиативного центра, стерильных коридоров, медицинских полимеров и смерти.

Где-то на середине душа её всё-таки накрывает. Накопившейся усталостью человека, который слишком долго держится. Она упирается ладонями в стену и несколько минут неподвижно стоит под горячей водой, позволяя слезам растворяться в потоке. Когда становится немного легче, Алисия выключает душ, вытаскивает полотенце и закутывается в него.

Уже выходя из ванной, она замечает рюкзак у кровати и тихо чертыхается. Вместе с формой следовало отправить в стирку и повседневную одежду, но теперь возвращаться к очистителю нет никакого желания. Алисия проходит к кровати, садится на край матраса и расстёгивает рюкзак. Пальцы сразу находят внутри ампулу «ЛименВитэ». Осторожно достав препарат, она открывает верхний ящик прикроватного столика и убирает ампулу внутрь.

Затем достаёт из рюкзака сложенную одежду и оставляет её у подножия кровати. Разберётся позже. Сама она ложится поверх покрывала, всё ещё завернувшись в полотенце. Тишина квартиры постепенно возвращается в привычные рамки. Головная боль после горячего душа становится слабее. Алисия лежит на спине и смотрит в потолок.

Взгляд лениво скользит по старой штукатурке, по знакомым трещинам, которые она изучила за годы жизни в этой квартире. Среди них появляется новая — тонкая, едва заметная, похожая на паутину. Она машинально следит за её изгибом. Глаза отслеживают трещину, но разум уже не цепляется за неё. Веки тяжелеют — она не замечает, в какой момент перестаёт

бороться. Тело накрывает усталостью, глухой и плотной, как толща воды. Она проваливается в сон.

Покой длится недолго.

Тело приковывает к матрасу, будто кто-то отключил связь между мозгом и мышцами. Что-то скользкое и холодное просачивается в сознание откуда-то изнутри затылка — словно туда вогнали ледяную иглу и она медленно тает, растекаясь по извилинам.

Она чувствует это движение как зуд под кожей, как мелкую щекотку, от которой хочется вывернуться наизнанку. Зуд переходит в частую вибрацию — словно крылья пойманной мухи бьются где-то под черепом, — и вдруг вспыхивает жаром за глазами. Капля пота скатывается со лба и теряется у кромки волос на виске. Тело покрывается мурашками.

Иное не ползёт глубже. А потом — толчок изнутри, тёмный, плотный, горячий. На долю секунды она чувствует в задворках разума нечто ещё. Второе сознание — такое же живое, такое же запертое в этом сжатом пространстве. И от этого соседства перехватывает дыхание.

Иное натывается на стену, замирает. Проходит пара секунд, и чужое присутствие отступает — медленно, нехотя, словно отводит щуп. И ощущение пропадает.

Алисия судорожно вздыхает и рывком садится на кровати.

Она сидит неподвижно. Сердце колотится где-то в горле. Во рту — металлический привкус. Она не понимает, что это было. Кожа всё ещё чувствует след чужого присутствия. В комнате тихо, но тишина теперь — не пустота, а вакуум, из которого только что выкачали нечто. Температура в комнате упала на несколько градусов.

Ей нужен свежий воздух. Она быстро одевается, собирает ещё влажные волосы в пучок и идёт к выходу, забыв надеть куртку. В нос ударяет затхлость подъезда, шаги по лестнице отдаются эхом. Полуденный мартовский воздух встречает бодрящей прохладой, но в затылок бьёт холодный ветер, вызывая мурашки. Она прислоняется к стене здания и откидывает голову. Ей хочется наорать на весь мир. Небо серое, ветер гонит тучи на север. Воздух разряжён, как перед грозой. Её охватывает страх — мысли об ужасном сенсорном утре, когда звуки и чужое присутствие преследовали её, и теперь это вторжение снова пробирается в сознание.

Она трясёт головой, пытаясь стряхнуть непрощенные мысли, но холодный ветер уже пробегаёт по оголённым участкам кожи, заставляя её вздрогнуть. Здесь, на улице, ей не спрятаться ни от ветра, ни от собственного страха. Она глубоко вдыхает, чувствуя, как воздух обжигает лёгкие, и разворачивается обратно к двери.

Спать она уже не сможет, лучше занять себя чем-то другим. Она моет руки, набирает в миску тёплую воду, бросает в неё мягкую тряпку и идёт к маме. За полгода Кармен Фернандес потеряла более тридцати килограммов веса. Алисия складывает одеяло, убирает на край кушетки, приподнимает маму — её тридцать килограммов не были проблемой для неё, — усаживает с осторожностью в кресло, быстро меняет постельное бельё и начинает обтирать тело мамы. Все движения привычные, на автоматизме. Когда рука тянется к лицу, Алисия замирает. Глаза впалые, под тёмными кругами просвечивают капилляры. Но пугает не это — её глаза подёрнуты белой пеленой. Вчера ведь было всё нормально: когда они успели измениться? Она вводила препарат три дня назад, неужели он перестал действовать? Алисия бросает тряпку в таз и идет в спальню за картриджем «ЛименВитэ».

У кровати мамы достаёт НейроДжект из зарядного бокса, вставляет ампулу с «ЛименВитэ» — тот щёлкает и фиксируется. Проверяет дисплей: доза полная, инъектор готов. Она слегка поворачивает голову мамы — осторожно, поддерживая её. На виске титановый диск — восемь миллиметров, маленький, почти незаметный, спрятанный за ухом.

— Давай, мам.

Она подносит инъектор. Магнит сам находит порт — щелчок. Прибор коротко вибрирует. Она нажимает кнопку. «НейроДжект» тихо гудит — препарат поступает в височную долю.

Тридцать секунд. Индикатор сменяется на зелёный. Она отсоединяет иньектор, проводит пальцем по титановому диску — тот холодный. Кармен не двигается, только веки подёргиваются.

Возвращает НейроДжект на зарядку. Ампулу откладывает на шкафчик, нужно забрать его на смену для утилизации.

Откидывает маму себе на плечо, одной рукой придерживает спину, другой поддевает под коленями, полуприсед, рывок, аккуратно поднимает и возвращает на кушетку. Обрабатывает область вокруг НутриПорта под рёбрами, меняет питательный мешок и подсоединяет к станции НутриФлоу.

На мгновение останавливается, чтобы взглянуть на Кармен. Она не может потерять маму, не сейчас, она не готова с ней прощаться. Ей нужно решение. Она вспоминает о листовке и поправив одеяло на маме, идет в спальню. Берёт листовку и садится на край матраса. Тысяча франков за участие в испытании. Алисия трёт глаза и ложится на кровать, взгляд упирается в угол потолка. Завтра. Всё, что можно решить, она решит завтра.

Глава 3

ГЛАВА 3. «Встреча»

*«Некоторые границы стираются
без прикосновений»*

Для Алисии принятое решение не стало легче за прошедшие сутки — просто превратилось в факт. Она смотрит на листовку «Терминуса» и морщится. Она понимает, что оттягивает неизбежное. Сколько ни смотри на бумагу — легче не станет, и выход не появится сам собой. Она складывает листовку и убирает в нагрудный карман куртки. Бросает взгляд на «СинапсМини»: на голограмме 7:45 утра.

Подхватывает рюкзак и идёт к Кармен. Питание в норме, пульс ровный, всё как вчера. Кармен спит или находится в том состоянии, которое теперь заменяет ей сон. Алисия поправляет край одеяла на её плече, целует в лоб и тихо произносит:

— *Adiós, mamá.* Вечером буду дома.

Гладит её по щеке и идёт к двери. Уже на пороге забирает с полки сложенный «Стриж» и отправляет в рюкзак. Лёгкий, компактный, а главное — помещается целиком. Она забрасывает ляжку на плечо. Ключ проворачивается в замке с глухим щелчком.

Улица встречает её привычным запахом стерильности — хлорка, нагретый на солнце пластик, холодный озон от автоматических очистителей. Алисия делает глубокий вдох и тут же щурится от рези в глазах. Запахи вдруг становятся острыми, слишком концентрированными. Хлорка больше не пахнет чистотой — она вгрызается в носовые пазухи, вызывая тупую боль в переносице. Пластик отдаёт чем-то химическим, неестественным. Даже холодный воздух кажется резким, почти металлическим.

Она машинально натягивает «Ауру» — биополимер привычно прилипает к лицу, разглаживается по скулам. Фильтры слегка приглушают вонь, но не убирают её полностью. Запахи всё равно пробиваются — ослабленные, но по-прежнему чужие, неправильные. Алисия трёт переносицу, пытаясь унять жжение.

«Всё это переутомление».

«А если нет?»

Проходит ещё несколько десятков метров, и тишину улицы разрезает знакомый гул. Дроны. Она поднимает голову, но видит только серое небо. Звук есть, а источника нет. Гул не исчезает — он продолжает висеть в воздухе, монотонный, давящий, и на его фоне в сознание просачивается что-то новое.

Запах. В нём есть что-то живое, но неправильное — как нагретый на солнце металл, к которому прикоснулась чья-то влажная ладонь. Так не пахнет ничто из того, что она знает.

Шлейф становится плотнее. Он не просто висит в воздухе — он исходит откуда-то спереди, от угла, где раньше была пекарня «Zum Stollen». Алисия ещё не видит его источника, но уже знает: там что-то не так.

Она делает ещё несколько шагов — и замирает.

У заколоченной витрины, прямо под ржавым кренделем вывески, стоит тот самый парень. Голова уронена на грудь, колени подогнуты, плечи упираются в стену. Это единственное, что удерживает его от падения.

Над ним, словно механическое насекомое, застыл дрон. Лучи сканера методично проходят вдоль тела.

Алисия делает шаг назад прикрывая рот ладонью, глуша рвущийся крик. Дрон внезапно разворачивается и подлетает к ней. Луч скользит по её телу, останавливается на запястье с «СинапсМини». Она стоит не дыша. В груди что-то обрывается и летит вниз, в холодную пустоту. Дрон висит пару секунд, изучая, — и теряет интерес. Разворачивается и обратно подлетает к парню.

Алисия слышит его дыхание — тяжёлое, хриплое, с булькающим присвистом. Руки парня висят вдоль тела пустыми оболочками.

Шлейф усиливается. Сладковатая медь смешивается с чем-то новым — оттенком увядающих цветов. Так пахнет смерть, когда она ещё не наступила, но уже подошла вплотную. Когда-то в эту пекарню мама водила её за тёплыми. Теперь здесь умирает человек.

Она не успевает осмыслить это до конца — звук доходит раньше. Знакомое шуршание гусениц. Из-за поворота выезжает «Гробовщик». Капсула рядом с ним плывёт пустая. Машина приехала забирать тело. Над крышами бесшумно скользит ещё один дрон, раскинув сеть сканера.

Алисия делает шаг, почти бежит — прочь от стерильных фасадов, мимо роботов-уборщиков, трущих чистый бетон. Сворачивает на Бинцштрассе и, не сбавляя шага, сдёргивает рюкзак с плеча. Пальцы находят фиксатор «Стрижа» — короткое шипение пневматики, и трубка раскладывается в полноценный самокат. Широкая дека, цельнолитые колёса, руль выдвигается одним движением. Она ставит ногу на платформу, отталкивается и едет по пустой улице в сторону Ирхеля.

Ветер бьёт в лицо, выбивая из глаз остатки страха. Мотор работает почти бесшумно — только лёгкий гул под декой. Солнечные панели, вплавленные в платформу, ловят рассеянный утренний свет. До «Терминуса» остаётся минут десять.

Она проезжает квартал за кварталом. Стерильные фасады сменяются такими же стерильными. У перекрёстка с Альбисридерштрассе светофор всё ещё работает — жёлтый мигающий сигнал, бесконечное предупреждение. Она притормаживает, оглядывается, прислушивается. Тишина. Ни дронов, ни «Гробовщиков». Можно ехать дальше.

Впереди вырастает Ирхель — бетонные корпуса, окружённые парком. И среди них, за колючей проволокой, — «Терминус».

Алисия сбрасывает скорость. «Стриж» мягко замедляется, она ставит ногу на землю и складывает самокат одним движением — трубка с тихим шипением возвращается в исходное состояние. Она убирает его в рюкзак и забрасывает лямку на плечо.

До входа остаётся метров двести. Она идёт пешком, пытаясь восстановить дыхание. Сердце всё ещё колотится где-то в горле, но идти нужно спокойно, уверенно, как человек, который знает, зачем сюда пришёл.

Здание вырастает перед ней тяжёлой каменной глыбой. Пилястры и резные карнизы — наследие девятнадцатого века, когда архитекторы ещё не прятали амбиции за стеклом и бетоном. Панорамные окна придают фасаду монументальность, но Алисия замечает другое: внутри, за стёклами, свет слишком белый, слишком холодный. Так не светят лампы в жилых домах. Так светят операционные.

Она переводит взгляд выше — и видит её. Колючую проволоку, аккуратно натянутую по периметру. И охрану. Двое в тёмной униформе у входа. Оружие не в руках, но на поясе. Лица неподвижны.

За пару метров до входа Алисия на мгновение останавливается. Один из охранников поворачивает голову. Взгляд — быстрый, цепкий — пробегает по ней и уходит в сторону. Она выдыхает. Идёт вперёд.

Стеклянные двери разъезжаются с шипением, пропуская её внутрь. Она проходит через турникет. Мимо проплывает робот-ассистент — белый пластиковый скелет с голографическим

планшетом вместо лица. Короткий луч сканера мазнул по её лицу, планшет мигнул зеленым, и машина покатила дальше.

В холле пахнет озоном и чем-то сладковатым. Под ногами — отполированный мрамор. Она машинально смотрит вниз и видит в отражении собственное лицо — искажённое, разбитое на световые полосы. Где-то тихо жужжат сервоприводы.

У длинной стойки ресепшен — две очереди. Она не понимает, куда становиться.

Секунду мнётся, потом замечает, что к ней направляется медбрат. Униформа — удлинённый серый китель без воротника, застёгнутый на магнитные клапаны. Ткань матовая, немнущаяся, с едва заметным свечением вдоль плечевых швов: там, где у обычной одежды были бы погоны, у этой — гибкие светодиодные полосы, маркирующие статус. На ногах — мягкие биополимерные сабо, бесшумно облегающие ступню. Ни стука, ни шороха.

Он идёт быстро, но плавно, словно скользит над полом. В одной руке — тонкий, почти прозрачный планшет, в котором данные всплывают прямо из воздуха, подстраиваясь под угол взгляда. Из нагрудного кармана торчит Смарт-Перо — металлический стилус с сенсорным наконечником, каким записывают показатели прямо на ходу.

Взгляд медбрата скользит где-то на уровне её плеча, ни на секунду не цепляясь за лицо. Словно он уже тысячу раз видел таких, как она, и все они закончили одинаково. Алисия чувствует себя овцой, которую пастух ведёт на заклание — спокойно, без злобы, потому что такова работа.

— Вы впервые?

Она кивает и протягивает брошюру. Тот бросает быстрый взгляд на планшет, проводит Смарт-Пером по экрану и указывает в сторону.

— Первая очередь.

— Спасибо.

Она произносит это машинально и тут же жалеет: благодарить здесь некого и не за что. Медбрат уже отворачивается, теряя к ней интерес.

Алисия идёт к очереди и переводит взгляд в сторону. У дальней стены, у белого автомата с водой, замечает фигуру. Парень. Высокий, широкие плечи. Тёмная куртка-косуха. Он стоит чуть боком, разглядывает бутылку в руке. Алисия отводит взгляд, но что-то заставляет её посмотреть ещё раз. Его силуэт кажется слишком знакомым.

Позади неё уже выстраивается новая цепочка. Очередь двигается, ей приходится шагнуть вперёд. И тут под курткой кожа на руках покрывается мурашками, а вдоль позвоночника проходит странный разряд. Чей-то взгляд. Она ощущает его под кожей.

Алисия оглядывается в поисках источника, но не находит. Бросает взгляд к автомату — парня там уже нет.

Она переключается на очередь. Перед ней — пожилой мужчина смотрит на свои руки так, будто видит их впервые. За ним — мужчина лет сорока, опрятно одетый, в чистой рубашке, застёгнутой на все пуговицы, и отглаженных брюках. Со стороны — обычный человек. Но Алисия замечает то, что не спрячешь под одеждой: мелкую дрожь в пальцах, нервное переминывание с ноги на ногу. Он озирается по сторонам — слишком часто, слишком дёргано, словно не может задержать взгляд на одном предмете дольше секунды. На лбу проступила испарина.

Зависимый. Она узнаёт эти симптомы безошибочно.

Она делает шаг в сторону — и в нос ударяет резкое, сладковатое, с гнилостным оттенком. Она уже сталкивалась с этим запахом. Тот парень у пекарни. Запах исходит от зависимого. Он заражен. Не успевает додумать. Робот-ассистент, скользивший по холлу, резко тормозит возле их очереди. Луч сканера бьет по толпе, задерживаясь на зависимом. Голографический планшет вспыхивает красным. Из динамиков вырывается тревожный сигнал — короткий, режущий. Мужчина замирает. Через секунду из боковых дверей за регистратурой появляются двое в

тёмной униформе. Ни слова. Движения отточенные. Мужчину берут под руки и уводят. Он не сопротивляется — только плечи опускаются, как у человека, который знал, что этим кончится.

Очередь замирает. Люди переглядываются. Кто-то хватается за сумку и пятится к выходу.

Голос из динамика, на мгновение показавшийся резким, произносит:

— Уважаемые посетители, просьба не паниковать. Вопрос улажен. Своевременно. Займите свои места.

Персонал рассыпается по холлу. Один из медбратьев мягко касается плеча пожилой женщины, что-то тихо говорит ей. Роботы-ассистенты замирают, словно тоже слушают. Люди постепенно успокаиваются, сбиваясь в небольшие группки.

— Следующий, — произносит голос из динамика.

Звук врежется в мозг Алисии — резкий, металлический, усиленный обострённым слухом. Она морщится. Старик впереди тоже вздрагивает, будто очнувшись, и мелкими, дрожащими шагами идёт вперёд. Алисия смотрит ему вслед.

— Мистер Майер, мы же вам сказали при прошлом визите: вы не подходите. По всем параметрам. Уходите, не задерживайте очередь.

— Но мне нужны деньги... — голос старика ломается. — Внуку... на лекарства... У него астма, ингаляторы кончились, а в нашей аптеке ничего нет...

— Я уже ответила.

— Прошу вас... хоть что-нибудь...

Регистраторша поднимает глаза — впервые за весь разговор. Смотрит на старика без злобы, без раздражения. Просто жмёт кнопку на терминале и произносит в микрофон:

— Сотрудник службы безопасности, подойдите к стойке один.

Охранник у входа делает шаг вперёд, но медбрат, тот самый, что успокаивал старушку в холле, перехватывает его по пути. Короткий кивок — и охранник возвращается к посту. Медбрат подходит к стойке, берёт Майера под локоть — мягко, но настойчиво.

— Пойдёмте, мистер Майер.

Когда они проходят мимо, Алисия ловит шлейф. Это не вирус. Здесь другое. Тяжёлое, застойное, с оттенком распада, который идёт изнутри. Рак. Она отчётливо слышит этот запах. Старик умирает.

Регистраторша провожает их взглядом ровно секунду.

— Следующий. — Будто ничего не было.

Наступает черёд Алисии.

Она подходит к окошку. За толстым стеклом — женщина лет тридцати. Безупречный макияж, накрахмаленный воротничок, волосы уложены в гладкий пучок. Она задаёт вопросы, не поднимая головы от экрана, и её пальцы уже печатают ответ раньше, чем Алисия успевает его произнести.

— Имя, фамилия, год рождения, группа крови, есть ли хронические заболевания.

Алисия отвечает механически. Всё это время её взгляд скользит по холлу.

— Ваш номер, — регистраторша протягивает синий пластиковый браслет с тиснёной цифрой 2117. — Наденьте на руку. Ждите вызова. Следующий.

Алисия отходит. Надевает браслет. Он плотно обхватывает запястье — не снять без ножниц.

Тревога не отпускает, в горле саднит. Взгляд цепляется за автомат с водой — высокий прямоугольный шкаф, встроенный в стену. Когда-то люди охотились за такими: ретро, история, оригинальный корпус. Теперь это просто железо, которое выдаёт воду.

Алисия стягивает «Ауру» вниз. Маска отходит от лица с тихим шелестом. Она делает пару коротких вдохов, отправляет её в раструб утилизатора на стене сбоку от автомата. Нажимает кнопку автомата, машина урчит, выплёвывая бутылку воды. Алисия неловко хватается её — пальцы скользят по влажному пластику, бутылка падает на пол и раскатывается в сторону.

— Чёрт, — шепчет она, нагибаясь.

Но кто-то опережает её. Сильная рука подхватывает бутылку за секунду до того, как та укатится в сторону.

Странный аромат. Мускусный и одновременно прохладный, как бриз, заставляет её поднять взгляд. Тот самый парень.

Их взгляды встречаются. Мурашки пробегают по коже — те же, что и минуту назад у входа, только теперь сильнее, до дрожи в пальцах.

Он протягивает бутылку. Алисия берёт. Молча. Смотрит на него — слишком долго для случайной встречи, слишком пристально для вежливости. Ей всё равно. Усталость снимает все стоп-сигналы.

— Спасибо, — тихо, без интонации.

Она отводит взгляд первой, разворачивается уйти — и вдруг слышит за спиной хриловатый глубокий голос:

— Алисия Фернандес?

Она мгновенно разворачивается. Тело собирается в пружину. Парень вскидывает руки вверх, показывая, что он не причинит вреда.

— Откуда ты знаешь мое имя? — Она переносит вес на левую ногу, правую ставит в сторону и слегка назад. Ладони раскрыты. Пальцы чуть согнуты — для удара.

— Ты меня не узнала?

Алисия не отвечает. Она смотрит на него — в точку между ключиц. Туда, куда учили бить. Парень читает её взгляд.

— Тише, валькирия... я не собираюсь нападать...

Она видит, что он начинает нервничать. Хотел бы напасть — напал бы. Но они в институте. Его тут быстро скрутят. Её челюсть сжимается. Глаза сужаются. Он понимает без слов: или называешь себя, или разговор закончится иначе. Он быстро откашливается.

— Я Юлиан. Бренниф, — он делает паузу, следя за её реакцией. — Милан. Сороковой год. Юношеская сборная, легкий вес. Вспомнила?

Перед глазами вспыхивает ринг в Милане. Май, две тысячи сороковой. Она пришла посмотреть бой лучших в своём весе и возрасте — и увидела его. Высокий, с длинными ногами, он не ходил по рингу — парил. Быстрые удары, немислимые уклонения, ни одного лишнего движения. Мухаммед Али говорил: «Порхай как бабочка, жаль как пчела». Для неё он тогда стал именно пчелой.

— Да... пчёлка, — тихо, почти про себя.

Юлиан слышит. Его брови взлетают вверх.

«Пчёлка?»

Челюсть плотно зажата — но в глазах смех. Алисия видит это и понимает: он слышал. Жар приливает к лицу. Неудобно, как перед тренером после проигранного спарринга. Но что-то в его взгляде — не насмешка. И она не сдерживается: уголки губ приподнимаются.

— Да, вспомнила. Ты отправил соперника в нокдаун на второй минуте. — Короткая пауза. — Тогда ты был не таким высоким.

Она демонстративно проводит взглядом вверх, до самой его макушки.

Юлиан усмехается — глухо, с хрипотцой.

Когда напряжение между ними окончательно сходит на нет, Юлиан тихо спрашивает:

— А ты... — Он не договаривает. Просто кивает в сторону очередей. Слова застревают в горле.

— Я...

К автомату подходит коренастый мужчина. Юлиан встаёт перед Алисией, заводя её за спину. Алисия в растерянности смотрит в его спину. Мужчина берёт воду и, словно почувствовав угрозу, быстро отходит. Юлиан следит за каждым его движением.

«Что это было?»

Поворачивается к Алисии.

— Кажется, мы здесь мешаем. Может, отойдём? — Пауза. — О... если ты не против.

Алисия коротко кивает. В голове странный звон, словно процессор закоротило. Она трёт виски. Бросает взгляд на Юлиана. Он трясёт головой, словно что-то отгоняет. Они садятся на скамейку недалеко от автомата. Алисия делает пару глотков. Жажда — дикая, неутолимая. Она не замечает, как выпивает полбутылки. Кладёт её на пол у ног. Воздух вокруг них меняется. Заряжен, как перед грозой. Юлиан задерживает дыхание, потом откашливается. Алисия отодвигается чуть дальше. Она сталкивается с ним взглядом и решается:

— А ты... — Смотрит в сторону очереди. — У тебя, надеюсь, всё нормально?

Он пальцами машинально касается запястья — коротко, почти незаметно. Но не для Алисии.

— Относительно... Меня сюда врач направил... перепроверить анализы.

Пауза тянется. Алисия ждёт. Лицо Юлиана мрачнеет, и он медленно выдыхает — как перед прыжком.

— Я не понимаю, что со мной происходит, — говорит он тише.

Алисию словно бьёт током. Волосы на руках встают дыбом. Юлиан начинает тереть запястье — быстрее, жёстче, — будто под кожей разгорается зуд. Встряхивает плечами. И слишком бодро говорит:

— Не бери в голову... Я себя накрутил.

Алисия слышит фальшь в его голосе. Он врёт сам себе. Юлиан видит, что она не верит, и добавляет:

— Старые травмы... Думаю, всё нормально.

В эту секунду они одновременно поворачиваются к противоположному концу зала. Мед-брат у стены наклоняется и поднимает Смарт-Перо.

Алисия не отводит взгляд от Юлиана.

— Как... как давно это у тебя?

Юлиан тяжело вздыхает. Нет смысла уже что-то отрицать.

— Неделю...

Тогда же, когда у неё. Теперь они молчат оба, но это уже не пустота. Он выдыхает — коротко, с нервным смешком.

— Я думал, что схожу с ума...

— Нет... не только ты.

— Ты думаешь...

— Не знаю...

Он смотрит на неё долгим взглядом:

— Ты из-за этого тут?

— Нет... Мама. У неё... вирус. — Алисия опускает голову. — Я больше не знаю, что делать.

В груди тяжёлым комом застревает: усталость, страх, отчаяние. Её слова повисают в воздухе — тяжёлые, липкие. Она замолкает. И вдруг замечает: Юлиан затих. Лицо побледнело, взгляд уплыл куда-то в сторону. Она не понимает, что произошло. А Юлиан уже не слышит — он чувствует. На секунду перестаёт дышать. Челюсть плотно зажата. Пальцы сжимаются, ловя воздух.

— Эй, — Алисия подаётся вперёд. Паника плещется в горле. — Юлиан. Что с тобой?

Она касается его плеча — легко, почти невесомо. Но этого хватает. Импульс пробегает между ними, такой силы, что Алисия вскрикивает и отдёргивает руку.

Юлиан делает вдох. Резкий, как после долгой задержки.

На крик оборачивается персонал. Нужно что-то делать. Она видит, как к ним направляется медбрат, который вывел мистера Майера.

«*Чёрт. Не сейчас.*»

Она вскакивает. Ноги подкашиваются.

— Всё в порядке?

— Да... да, простите, не хотела шуметь. Случайно уронила свой СинапсМини.

Она успевает расстегнуть его и подвесить на пальцах. Медбрат бросает взгляд.

— Могу я... — Кивает в сторону коммуникатора.

Алисия протягивает его. Он быстро сканирует. Над экраном планшета всплывают её данные. И графа, от которой у Алисии всё внутри стягивается в тугий узел: «**Наблюдающий. Риск угрозы заражения: высший**».

Она украдкой бросает взгляд на Юлиана. Медбрат перехватывает его и смотрит ей за плечо.

— А это?

— Это мой друг, мы ждём, пока нас вызовут.

Он ещё раз смотрит на парня. Юлиан сидит, замерев. Он понимает: доля секунды — и их скрутят. Кулаки сжаты до хруста в костяшках. Медбрат ещё пару секунд смотрит и, коротко кивнув, отходит.

Всё это время Алисия чувствует — Юлиана, его: смятение, страх, тревогу. Она садится на корточке возле него и заглядывает в глаза.

— Что это было? — хрипло произносит он. Алисия молчит. — Ты тоже это почувствовала?

Она кивает. И от этого — тихо внутри. Как перед неизбежным. Тишину между ними разрывает голос из динамика:

— Алисия Фернандес, пройдите в кабинет пятнадцать.

Оба вздрагивают. Она встаёт. Собирается уйти. Юлиан смотрит на неё.

— Алисия... твой ID-номер.

Она протягивает руку с СинапсМини. Юлиан касается его своим. Вибрация проходит между браслетами, над ними возникают карточки с данными. Юлиан поднимает взгляд.

— Я напишу...

Голос из динамика продолжает настойчиво звать:

— Алисия Фернандес, пройдите в кабинет пятнадцать.

Она не сразу двигается с места.

— Мне пора.

Юлиан смотрит на неё. Он ничего не говорит — только кивает. Алисия уходит, не оборачиваясь.